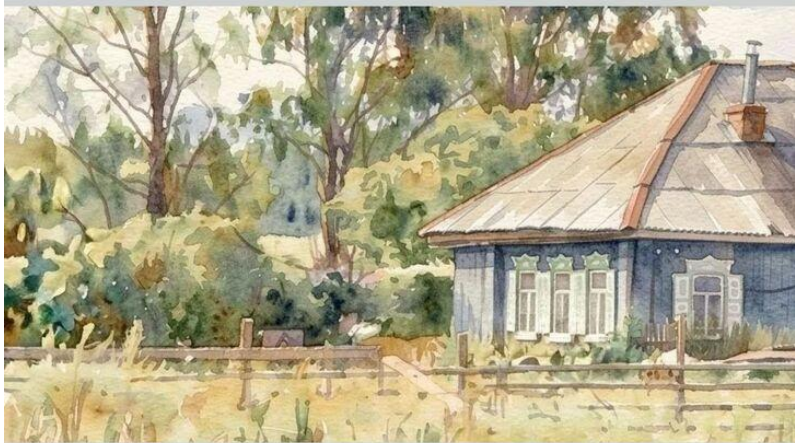

12+

Наталья Кадетова

БАБУШКИН СИНЕНЬКИЙ ДОМИК

рассказы

Наталья Кадетова

Бабушкин синенький домик. Рассказы

<https://litres.ru/74543853>

ISBN 9785007134118

Аннотация

«Я не знаю, как устроена Вселенная, не знаю, что ждет меня в будущем, но когда я создавала книгу о тебе, бабуль, я точно была уверена, что так должно быть, ведь в моих воспоминаниях ты останешься навсегда.

Через много лет, когда меня тоже не станет на этом свете, твои и мои правнуки смогут окунуться в нашу с тобой историю, они проживут ее вместе с нами, они почувствуют, что мы всегда рядом».

Содержание

Бабушкин синенький домик	5
Бабушка	6
Большая семья	12
Троица	16
Лесная клубника	21
Сенокос	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Бабушкин синенький домик

Рассказы

Наталья Кадетова

© Наталья Кадетова, 2026

ISBN 978-5-0071-3411-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бабушкин синенький домик

*Посвящается
моей бабушке Семеновой Прасковье Николаевне*

Бабушка

Поскрипывают половицы теплого деревенского домика, за стенкой еле-еле слышно кто-то управляется, вот отворяется створка печки, и искры от дров недовольно потрескивают. Льется вода с бидончика, тихо цывкают только появившиеся на свет маленькие цыплята. Открываешь слегка полусонные веки: сквозь шторы пробиваются первые лучи солнца. Забираешься подальше в тяжелое одеяло и продолжаешь быть в детстве, в далеком, но таком близком...

— Ребята, вставайте завтракать, а то стынет, — бабушка уже с пяти часов утра на ногах: убрала скотину, приготовила завтрак. — Моськи не забудьте умыть и тогда за стол.

— Умгу, — раздается сонное ворчание детворы.

Свесив ноги с высокой железной койки, позевывая, идешь умываться.

— Девка, а ты плохо умылась, вон смотри глаза какие черные, — смеется бабушка.

— Ба, их не отмыть!

— Ой, не могу с этой девки!

Весело звякает посуда, детвора проворно уплетает блины с вареньем, запивая парным молоком. У ног ласкается кот, выпрашивает лакомый кусочек. И мир вокруг такой добрый и рядом ты, наша бабушка, наш самый лучший подарок судьбы...

Верно, говорят: пока живы наши самые близкие — мы вечные дети и внуки. И каждый год с приходом важной даты — Дня рождения бабушки, мы ехали поздравлять ее, пови-даться, поговорить, посмеяться. Мы знали, что путь в дет-ство еще не закрыт, что можно еще немного понежиться в нем.

В новом доме сидит вся родня: стол составлен из трех сто-лов, все приехали поздравлять Прасковью Николаевну с 90-летием, во главе сидит именинница. Льются тосты, бокалы опустошаются за здоровье, вот и песню затянули, а осталь-ные весело подхватили. Большая наша семья, дружная, по-тому что фундамент у нее крепкий...

— Давай, Наташка, тост! — просит родня.

— Бабуль, спасибо, тебе за самое лучшее детство, за твои незабываемые пироги и картошницу из печки, за то, что без-мерно любишь нас всех, ты наш фундамент, наша сила, наш неиссякаемый источник доброты, мудрости и жизнелюбия. Бабуль, ты наше ВСЕ!

Я смотрела в бабушкины заплаканные глаза, и мою душу охватывала невероятная любовь и преклонение перед этой сильной, мудрой и невероятно душевной женщиной, которая смогла пронести на своих плечах то, что другим было бы не под силу: войну, голод, тиф, лишения, страх, потери. Бог да-ровал ей долгую жизнь...

— Ой, девка бядовая! Как засвистит на всю деревню, хлы-стом поддаст, гляжу, уже в поле гонит. Ну, девка!

— Ба, вся в тебя!

— Придется тебе барана за работу давать! — смеется бабушка...

Июнь. Начало летних каникул. Захотелось опять к бабуле, последний раз приезжали к ней на Пасху.

— Мам, отвези меня в Изъялово, хочу к бабушке.

— Давай попозже.

— А на этой неделе? — я умоляюще смотрела на мать.

— Если только с почтой, поедешь? — засмеялась мама.

— А чего? И поеду.

И вот я уже с рюкзаком сижу в почтовой машине, еду к бабушке. В окнах машины бликуют зеленые деревья. В мыслях лелеются мечты: речка с прозрачной водой, пыльная дорога под ногами, сбитая недельным зноем, вкусная лесная клубника, намятая с сахаром и молоком. Иду к родному синему дому, скрипит калитка, ветер колышет макушки высоких каштанов. Захожу на высокое крыльцо, затем пробираюсь в террасу, стучу в дверь и говорю грубым голосом:

— Бабушка Паныша, почему не встречаете свою внучку Натаньшу?

Бабушка стоит у плиты, оборачивается и заливисто смеется:

— Ой, ктой-то там! Наташка! Ну, девка! — обнимает меня и целует.

— Приехала тебе помогать.

— На чем же ты?

— Меня, Прасковья Николаевна, по почте прислали.

— Ой, ну не могу с этой девки! Это ж надо! Бядовая! — бабушка хохочет, и уголки ее губ расплываются в нежной улыбке...

День выдался знойным, поэтому уже после обеда мы с братьями побежали купаться. Бегаю по броду, пытаюсь руками поймать проворных мальков. Вода в речке прохладная, чтобы не чувствовать холод, резко окунаюсь по шею и визжу во все горло. Тело наконец-то привыкает к проточной воде, и выходить из нее не хочется. Где-то вдали уже виднеются грозовые тучи: после первого раскатистого грома мы быстро выбегаем из воды и мчим к бабушкиному дому.

— Ох, ребята, туча ураганная идет, надо сходить ставни закрыть, иначе окошки побьет.

Мы с братьями побежали, закрывать узорчатые ставенки. Каждую надо закрыть на крючок и еще приставить палку.

Стихия все ближе надвигается, все вокруг потемнело, только яркие молнии освещают небо.

— Ба, а молния может дома попасть в человека? — начала любопытствовать я.

— Да в Трохимове прибило доярку. Мыла полы в Оди-гитрию, так ее молния под кроватью и убила. Моя мама говорила: «Паша, на большие церковные праздники ничего не делай, у Бога дней много, все успеется!».

— Бабуль, можно я с тобой сегодня буду спать?

— Ложись, фуфайку к стенке сейчас постелю, лезь, а я тут

с краю.

— А спинку почешешь, чтоб не страшно было?

— Почешу, спи, девка!

И только натруженные, слегка шершавые руки касались тебя, как по волшебству маленькое тело обмякало, и ты проваливалась в сонное царство. Становилось совсем не страшно, ведь рядом была бабушка, а значит, с тобой ничего не произойдет.

Годы промчались в неизбежной спешке, в прошлом году мы отметили 98-летие нашей прекрасной Прасковьи Николаевны. Я, к сожалению, не смогла приехать, сильно заболела и боялась, что могу ее заразить, но нам была уготована другая, последняя встреча при жизни...

Едем к бабушке Последнее время наша старушка подсадала, глубокая старость, мы все понимаем. Вызвали скорую, долго едет. Наша бабушка сидит на диванчике, смотрит на нас, улыбается:

— Бабуль, что болит? — я сажусь рядом, беру ее руку.

— Ай, Наташка, совсем баба плохая стала. Нягодная!

— Ничего, ба, мы все с тобой, сейчас подлатаем тебя.

— Ой, не могу, с этой девки! — бабушка держит меня за руку, смотрит пристально в глаза, вглядывается.

— Наташка, и в кого ты у нас такая, красивая?

— Да в тебя, бабуль, в кого же еще, ты у нас самая красивая!

— Умора, это ж надо! — бабушка смеется и обнимает ме-

ня...

Человек с нами, пока мы о нем вспоминаем, пока из памяти не сотрутся последние воспоминания о нем. Мне хочется, чтобы последующие поколения в нашей семье, знали о том, какой замечательной была их прабабушка — Семенова Прасковья Николаевна и прадедушка, герой Великой Отечественной войны Семенов Михаил Селиверстович. Мне важно, чтобы они моими глазами смогли увидеть эту невидимую связь: старших поколений с будущими. Мои очерки — это олицетворение эпохи связи уходящего поколения, пережившего самую страшную и кровопролитную войну за всю мировую историю, с нами, которые могут передать историю своих семей другим поколениям. И до тех пор, пока будут передаваться эти предания, будет жить наша великая Родина.

Большая семья

Все начинается с семьи: с ее прошлого, настоящего и бу-

дущего. А еще в каждой семье есть «лучина», которая своим светом и теплом озаряет все пространство. Согласитесь, недостаточно просто светить, необходимо давать тепло, которое так ценно в холоде и голоде, в радости и печали. Переходя с метафорического языка, в семье всегда должен быть человек, который объединяет семью, несмотря на все противоречия, все неоднозначные жизненные ситуации, разношерстность и колорит характеров. Вроде, кажется, один человек — песчинка в море событий, а если заглянуть глубже — целая историческая веха.

Наша семья большая и крепкая, потому что фундамент у нее твердый и нерушимый. И этим фундаментом была моя бабушка Семенова Прасковья Николаевна. Для меня до сих пор остается загадкой колоссальная мощь ее жизненной энергии, бесконечной любви к нам и невероятно позитивный настрой на все вокруг.

Бабушка жила в деревянном синем доме, который был окаймлен белыми изразцами. Каждый раз, когда мы ехали к бабушке, с трассы бросался ее синий домик. Летом он утопал в розовых мальвах, которые каждый раз кивали своими яркими головками на ветру, мы проходили к дому бабушки, а они поклонами встречали нас.

Чего только не было в саду: яблони, сливы, смородина, крыжовник, а в его глубине пытались ужиться вместе с нами труженицы-пчелки. Бабушка приучила не бояться пчел, а уважать их.

— Бабушка, опять пчела залетела в дом, надо ее прибить, а то укусит!

— Наташка, это же оса, она вредная, пчел обижает, поэтому с ней можно смело расправляться. А пчел мы не трогаем, мы их аккуратно выгоняем из дому, потому что они — бедолаги свой домик не нашли, а залетели к нам. Как только пчелка на улице окажется, она сразу свой домик отыщет, еще и медку нам соберет.

— Ба, а почему осы вредные?

— Потому что, они хотят залететь в улей к пчелам и слопать весь мед! Лентяйки! Да еще и жалят просто так, а пчела никогда не тронет, если нет угрозы, летит спокойно по своим делам!

— Ба, я теперь, если буду видеть ос, сразу им «кирдык» сделаю. Буду пчел защищать...

Не знаю почему, но наша большая семья всегда ассоциировалась у меня с пчелиным ульем: с утра встала самая главная пчелка, накормила скотину, приготовила завтрак, и дружно зажужжали все на террасе, много нас у бабушки от мала до велика. Все громко стучат ложками, потом также дружно пошли все работать. Застучали дядьки молотками, топорами, детвора помчалась гурьбой с женщинами: кто на сенокос, кто на картошку.

И как ни странно, наша большая семья так ловко умещалась в бабушкином синеньком доме, всегда там было всем место, всегда было тепло, уютно и сытно. Ох, и умелица, на-

ша Прасковья Николаевна, уже пирогов напекла два таза:

— Наташка, Ванька, Лешка, скорее бегите, пока тепленькие! — окликает нас бабушка.

— Ба, у тебя самые вкусные пироги! — уминаю два пирога на раз- два.

— Это они с печки такие вкусные, ешьте, ребята! Пузеньки набивайте, — хохочет бабушка.

Наступил вечер, поужинали. Бабушка начинает разбирать кровати. Перед тем как лечь в постель, бабушка готовит нам таз с водой для мытья ног:

— Ба, принеси полотенце, я забыла! — кричу я из терраски.

— Девка, на улицу не ходи, как ноги вымоешь, на простыню надо с чистыми ложиться!

Помыв ноги, я быстро — быстро бегу по деревянному полу на носочках, запрыгиваю на кровать и накрываюсь одеялом вместе с головой. По телу разливается тепло, а от подушек пахнет гусиным пером, деревней и бабушкой.

Троица

Теплые июньские дни в небывалом круговороте захватили миротворение. Солнце со всей силой отдает свое тепло земле, чтобы она плодила, вокруг бушует зеленое поле с разнотравником, пахнет свежескошенной травой и прелым сеном.

От дуновения теплого ветра шепчется между собой молодая листва, она славит солнце за его щедрое тепло, смело кричат сороки-разведчицы, призывая своих сородичей на найденную трапезу.

Позевывая, выхожу на свежевывитое крыльцо бабушкиного дома, вдыхаю прохладный воздух деревенского утра. Широко посаженные каштаны приветственно мне кивают, на лавке растянулся кот, прищурив один глаз, наблюдает за жужжащими пчелами.

Сегодня у нас событие, большой престольный праздник в честь Святой Троицы. Бабушка с утра сорвала березовые ветви и заложила у входных дверей, березовый запах мягким, окутывающим благоуханием наполнил террасу.

— Ребята, мы сегодня идем в Трофимово, к дя Шуре, справлять Троицу, — сказала бабушка.

— Ба, а что за Троица? — любопытничала я, отхлебывая из кружки парное козье молоко.

— Праздник, который отмечается через пятьдесят дней

после Пасхи. Мы когда Отче наш читаем: « Во имя Отца, и Сына, и Святого духа. Аминь» — это слова молитвы, чтобы получить благословение Святой Троицы. Вот и праздник в их честь.

— А ветки березы зачем?

— Так положено, моя мама так делала, в деревнях гуляли на Троицу, песни пели, хороводили, венки плели, да гадали.

— На женихов?

— Кто на что! Кто на женихов, кто на счастье!

— И как понять, что там?

— Если венок все по речечке плывет и плывет — к хорошей жизни, если девка на выданье, то глядишь, замуж скоро пойдет, а если утонул, то нехорошо.

— И что сбывается?

— А, плут его знает! — засмеялась бабушка.

Для меня праздник стал какой-то сказкой, в голове все представлялось, как девушки венки плетут, а потом любовь свою находят, необычное чувство предстоящего охватывало мою детскую душу.

Мы собрались идти пешком в соседнюю деревню к бабушкиному брату, Шуре. Бабушка надела красивое платье в белый цветочек, собрала свои длинные с проседью волосы в гребень. Действительно, истинная красота русских женщин считывалась в ее походке: она шла ровными, уверенными шагами, загорелые и натруженные руки выдавали в ней сильную от природы женщину, многое вынесли эти плечи, но

несмотря на все тяготы жизни, они были надежной опорой для всей нашей семьи. Какая-то кипучая жизненная энергия считывалась во взгляде нашей Прасковьи Николаевны. Проницательные и добрые глаза излучали мудрость, подаренную поколениями наших предков, светлость ума и жизнелюбие, веселость и легкость характера сочеталось в бабушке с силой воли.

Мы шли по полю к речке, а я все любовалась ею: как она преобразилась, как светились ее глаза от радости. В пути я решила насобирать букет полевых цветов для бабушки, именно они так подходили ей: васильки, колокольчики, лютики, тысячелистник.

Кучные облака простираются над чистой речкой, вот уже и мостик виднеется, а на горке деревня. Я веселой трусцой перебегаю через мостик-лавы. И все мне кажется таким необыкновенным, таким родным, таким незабываемым.

Деревенские дома принимают гостей. В каждом доме слышится гомон веселых голосов, где-то позвякивают тарелки, раздается смех, в деревне праздник Троицы. Вот она — сама жизнь.

— Паша, здравствуй! — кричит ей с крыльца брат, дя Шура.

И вот мы уже входим в калитку, из дома высыпает родня, которую я видела впервые. Все целуются, обнимаются. Меня целуют, называют черноглазкой.

— Ой, а это Наташка, Женькина?! Подросла. А это Ко-

лин?! Лешка? — спрашивает родня. — Ну, проходите, ребята, садитесь за стол.

Праздник начался. Стол накрыт, родня дружно стучит рюмками, тосты льются, все рады встрече, теплая атмосфера традиций считывается в доме, я смотрю на улыбающихся людей, и в моей душе зарождается виток счастья, который на долгие годы останется со мной, его я пронесу через время.

— Шура, доставай гармонь, давай веселую! — просит брата бабушка.

Вот уже и песни полились, ох, и песенница наша бабушка, а голос чистый, звонкий, сильный. Что не песня, то тон задает Прасковья Николаевна, до сих пор во мне звучат народные мелодии того праздничного дня. Когда слышу народные мотивы, сердце начинает часто биться, что-то родное и такое близкое таится в этих напевах.

— Наташка, спой нам, — просит бабушка. — Ты же у нас тоже песенница!

— Тогда частушки, дя Шура, давай.

Полилась гармонь, ноги мои, как по волшебству, стали постукивать в такт, и заголосила озорная девчонка с черными, как бусинки глазами.

*У меня на сарафане
Кривоноги петухи,
Я сама не кривонога—
Кривоноги женихи.*

Взрослые смеются с моих «остреньких» частушек, еще громче мне хлопают, а я разошлась, давай еще пуще «Семёновну» петь.

— Ну, девка, ой бядовая! Ну, молодец, Наташка! Это ж надо, хохма.

Я разгоряченная от полученной минутной славы, так гордилась собой, со всеми взрослыми пела песни, смеялась.

Троица удалась на славу, к вечеру мы прощались со всеми. Расцеловались и в путь, обратно в наш уютный бабушкин дом.

Солнце нас провожало, мы бежали с братом впереди по тропке, старались не дать наступить на свою тень. Бабушка шла позади нас. Не знаю, о чем она думала, но я уверена, что она была счастлива.

Лесная клубника

Лес всегда был особенным для нас. Здесь и ягоды, и грибы, и травы лечебные. Смоленские леса необыкновенные: чувствуется в них стать крепкоствольных деревьев, суровость непростых условий жизни. Начиная с детского возраста, нас брали с собой на сбор ягод или грибов. Для меня это было скорее развлечение, нежели трудоемкая работа. Нам давали небольшие баночки, если они наполнялись ягодами, мы пересыпали их в большое ведро родителей.

Самой лучшей забавой было отойти от взрослых недалеко, чтобы они тебя аукали, а ты им в ответ: «Эге-гей». Пробежишь вокруг, чтобы найти полянку с ягодами покрупнее и давай всех зазывать. Никогда мы не обижали лес, все в нем подчинялось законам, которые были писаны не человеком: муравейники не разорять, молодые деревца не гнуть, уважать лесной мир, который так щедро одарял нас.

Бабушка нас не водила в лес, мы ходили за ручеек, в дикую клубнику, которая росла у перелеска, на полянке, там недалеко дядьки рубили баню из бревен, их стук разносился далеко над лесом.

— Наташка, сбегайте на горочку, отнесите кваску ребятам да тормозок сейчас соберу, — наказывала бабушка.

— Ба, а клубнику можно посмотреть, может поспела? Так хочется с молоком и сахаром натолочь.

— Ну, гляньте, только к лесу не ходите! Зверье, змеи.

— Ладно, дай нам бидончик.

И вот мы уже бежали с братьями на пригорок, относить дядькам тормозок. Крепкие они мужики, так топором и стругают бревна. Всегда в работе, от того сильные и высокие, как дубы. Попьют кваску, да опять за дело. А мы дальше, за клубникой.

— Смотрите, тут следы кабанов, еще и нарыто, корешки искали. А вот трава примята, небось, наелись и улеглись, как бы полянку нашу с клубникой не помяли, — говорю я братьям.

— А вы знали, что если секач попадетсЯ, от него надо быстрее на дерево забираться, иначе порвет! — пугает Ванька.

— Да, он нас бы уже учуял и ушел, им с человеком не очень хочется встречаться, вдруг охотники, — рассуждает Лешка.

— Давайте свистеть, чтоб они разбежались! — командует Ванька.

И мы в три свиста, что есть духу, начали насвистывать. Отсвистели, прислушались, вроде тихо, пошли дальше довольные собой.

Пришли на заветную полянку, а на ней усыпано клубникой. Одну в банку — две в рот. Вкуснота! Вокруг разносится запах лесной клубники, руки испачкались, пахнут ягодами. Мы с Лешкой почти рядом, а Ванька куда-то подальше ото-

шел, но мы мало обращаем внимания друг на друга, каждый занят делом.

Вдруг ветки начали ломаться, что-то в кустах захрюкало.

— Кабан, беги Наташка! — мы с Лешкой припустились так, что я даже банку с клубникой рассыпала.

У страха глаза велики, мы помчались к деревьям, слышим, как Ванька смеется и кричит нам:

— Стойте! Ха-ха-ха! — Ванька катается со смеху на поляне.

— Ты дурак! Мы чуть в штаны не наложили! — подходим и начинаем слегка бить Ваньку.

А потом все вместе смеемся до слез.

— Блин, вы бы видели себя. Ха-ха-ха! — не может сдержаться Ванька.

По дороге обратно мы все вспоминали про розыгрыш, смеялись, толкались. Вот оно, детство! Такое беззаботное со смехом и лесной клубникой.

Принесли домой почти целый бидончик ароматной клубники, на всех хватит. Перебрали, потом бабушка в небольшом жестяном тазике намяла клубнику с сахаром. Пока ходили за ягодами, наша Прасковья Николаевна уже успела блинов напечь.

Мы сидели за столом в летней терраске, на окнах цвели разноцветные герани, ели блины со свежесобранной клубникой, Ванька рассказывал бабушке про то, как нас напугал, и наш смех разносился эхом по всему дому.

Сенокос

Знойный месяц июль богат разнотравьем. На полях дали новую поросль травы и цветы. Смотришь вдаль и словно утопаешь в зеленом море. Идешь по нему, оставляя за собой примятую тропку, мягкая зелень нежно касается голых ног. Встанешь посреди поля, взглядишься в чистое с небо с кучерявыми облаками, вдохнешь свежий деревенский воздух, да как припустишься быстро — быстро, чтобы иван-чай касался разрумяненных от бега щек.

Сенокос — дело дружное. Любит, чтобы было много рук. Одни руки косят, другие ворочают, третьи сгребают в большую копну. Без смеха и задора не управиться с такой тяжелой работой, да и в одиночку тоже.

Собралась наша большая семья на сенокос. Мужики скосили поле, а мы сегодня вместе с матерями пойдем ворошить сено.

— Девка, иди сюда, на грабельки померь, чтобы ловко было сено ворошить, — зовет меня бабушка к сараю.

— Ба, а у меня получится, я не знаю, как это делается?

— Увидишь, как мы будем делать и научишься.

— А сено не попортится, если я его не так сделаю?

— Все получится, Наташка, когда человек без дела не сидит, у него всегда все выходит, а если бояться, тогда ничему не научишься.

Эти слова Прасковьи Николаевны стали для меня главными по жизни, действительно, мы всегда чему-то учимся, а для того, чтобы дело получилось, надо преодолеть себя и попробовать его сделать. Вроде простые мысли, но глубокие.

Взяли грабли, повязали платки, набрали воды с собой, небольшой перекус и пошли всей гурьбой, сено ворочать. Мне было пять лет, а я уже наравне со взрослыми училась делать большое дело.

Волнами лежало свежескошенное, слегка подвяленное сено, казалось, нет края этим травяным ухабам, ловко орудовали бабушкины невестки граблями.

Я схвачу сено и давай его накручивать на грабли, а потом в разные стороны, Бабушка посмотрит на меня и заливается смехом:

— Ба, научилась, правильно я сено ворошу?

— Молодец, Наташка! Бядовая!

— А можно мы попрыгаем в стог сена потом?

— Да, прыгайте, не жалко!

Конечно, надолго помогать нас не хватало, но мы находили себе с братьями веселые занятия. Выберем копну и давай прыгать в нее с разбегу.

— Я первая прыгаю! — разбегаюсь со всех ног и прыгаю спиной на мягкое сено.

— Отходи! — за мной бежит Ванька.

— Ванька! Беги! — на Ваньку прыгает Лешка, и они вдвоем падают со стога.

Так мы бегаем и прыгаем, пока не захочется пить. Выхватываем бутылки с водой кто быстрее, набираем в рот и брызгаем друг на друга.

— Ну-ка, хватит баловаться, не оставите воды попить! — кричит нам мать.

— Это все Ванька! — кричу я, а сама со всех ног убегаю, чтобы меня не обрызгали.

Вот уже близится к концу работа, взрослые пошли взатенку, достали перекус.

К вечеру папка на тракторе приедет, загружать сено, нас ждут настоящие приключения.

— Пап, можно я тоже с Ванькой и Лешкой поеду в телеге на сене? — спрашиваю я.

— Ты мелкая, еще свалишься! Мы за тобой смотреть не будем! — говорят братья.

— Не свалюсь, пап, можно!

— Ладно, но чтоб держалась за борт! А вы смотрите за Наташкой! Иначе никто не поедет! — сказал папка.

Я довольная собой, демонстративно показываю язык своим братьям и лезу в трактор к отцу.

Папка посадил меня к себе за руль, и мы поехали за сеном. Трактор раскачивается по кочкам, мои маленькие руки едва ли могут удержать руль, поэтому отец вовремя подхватывает управление. Вот мы уже и на месте!

— Женька, ближе, ближе! — кричит дядь Вася, контролируя телегу, которую отец подгоняет к большому стогу сена.

— Хорош!

Отец вылезает из кабины: высокий, красивый, с черными, как смоль волосами и игривыми зелеными глазами, капельки пота стекают по его загорелой спине, сильные руки быстро переносят тяжелое сено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.